# Проблемы квалификации легализации преступных доходов по ст. 174 и 174.1 УК РФ

**Катников Игорь Игоревич**
Аспирант, кафедра уголовного и публичного права, Московский университет «Синергия», katnikov_igor@mail.ru

Статья посвящена квалификации легализации преступных доходов по ст. 174 и 174.1 УК РФ. Актуальность темы связана с устойчивыми трудностями правоприменения при разграничении легализации и распоряжения преступно полученным имуществом, при установлении специальной цели придания правомерного вида, при определении предмета преступления и при оценке операций с цифровыми активами. Цель исследования состоит в выработке системного подхода к толкованию признаков составов, закрепленных в названных нормах. Научная новизна работы связана с объединением уголовно-правового, правоприменительного и цифрового направлений анализа в единой схеме квалификации. В исследовании использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-аналитический методы, приемы обобщения и классификации. Источниковую базу образуют современные русскоязычные публикации по вопросам предмета легализации, специальной цели, доказывания, цифровых форм сокрытия преступного происхождения имущества и разграничения смежных составов. В аналитической части раскрыты спорные признаки объективной и субъективной стороны, показаны типичные ошибки квалификации, предложены ориентиры для разграничения ст. 174 и 174.1 УК РФ. Практическая полезность результатов связана с их применением в следственной, прокурорской и судебной работе.

**Ключевые слова:** легализация преступных доходов, отмывание денежных средств, квалификация преступлений, ст. 174 УК РФ, ст. 174.1 УК РФ, предмет преступления, специальная цель, цифровые активы, доказывание, смежные составы.

**Введение**

Проблематика легализации преступных доходов сохраняет высокую научную и прикладную значимость по нескольким причинам. Первая связана с тем, что диспозиции ст. 174 и 174.1 УК РФ формально близки, но строятся на различном субъектном основании, из-за чего в следственной и судебной работе регулярно возникает смешение двух составов. Вторая причина обусловлена трудностью установления специальной цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно полученным имуществом. Третья причина связана с усложнением способов сокрытия происхождения имущества, прежде всего через многоступенчатые расчеты, фиктивные договорные конструкции, цифровую валюту и иные инструменты, создающие видимость законного оборота. Нормативная база при этом задает широкую рамку уголовной ответственности, а граница между легализацией и иными формами обращения с преступным имуществом в ряде ситуаций остается дискуссионной.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации проблем квалификации легализации преступных доходов по ст. 174 и 174.1 УК РФ с последующей выработкой критериев разграничения данных составов между собой и со смежными деяниями.

Для достижения поставленной цели решаются три задачи: во-первых, уточнить содержание признаков предмета, объективной стороны и специальной цели в конструкциях ст. 174 и 174.1 УК РФ; во-вторых, определить типичные ошибки правоприменения при разграничении легализации, предикатного преступления и иных форм обращения с преступным имуществом; в-третьих, оценить влияние цифровых способов сокрытия происхождения имущества на квалификацию и доказывание.

Научная новизна исследования связана с тем, что спорные вопросы квалификации рассматриваются через связь предмета преступления, способа обращения имущества, структуры умысла и доказательственного материала.

**Материалы и методы**

Материальную базу исследования образуют нормы уголовного и специального законодательства, разъяснения Верховного Суда РФ, наряду с корпусом современных научных публикаций. Нормативную основу составляют ст. 174 и 174.1 УК РФ, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 в редакции от 9 декабря 2025 г. Научный массив сформирован из работ, посвященных отдельным узлам рассматриваемой проблемы. Е.Г. Быкова [1] исследует трудности квалификации легализации доходов, возникающих из мошенничества. Я.Ю. Васильева [2] анализирует криптовалюту как предмет преступлений по ст. 174 и 174.1 УК РФ. В.В. Векленко и А.Р. Акиев [3] рассматривают общие вопросы квалификации легализации преступно приобретенного имущества. Т.Г. Жукова [4] сосредоточена на современных способах легализации имущества. А.В. Иванов [5] раскрывает спорные подходы к определению предмета преступления в составах ст. 174 и 174.1 УК РФ. В.С. Киргизова [6] изучает проблему доказывания легализации денежных средств. С.М. Кочои [7] подвергает критическому анализу конструкцию ст. 174.1 УК РФ и ее применение. К.А. Лубенцева, Е.О. Яковлева и

П.И. Иванов [8] обобщают трудности квалификации и формулируют предложения по корректировке уголовно-правового регулирования. А.И. Малыгин [9] раскрывает объективные признаки легализации имущества, связанного с организованной преступной деятельностью. О.В. Харченко [10] рассматривает противодействие легализации доходов в условиях цифровизации.

Методический инструментарий опирается на формально-юридический анализ для толкования признаков составов, сравнительно-правовой анализ для разграничения ст. 174 и 174.1 УК РФ со смежными деяниями, логико-аналитический разбор для выявления внутренних противоречий правоприменения, а приемы обобщения и классификации – для построения системы квалификационных критериев, соотносимых с целью статьи.

**Результаты**

Нормативная конструкция ст. 174 и 174.1 УК РФ строится на общем наборе объективных признаков – финансовые операции и иные сделки с денежными средствами либо имуществом, сопровождаемые специальной целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению. Разграничение между двумя составами проходит по субъектному признаку: в ст. 174 речь идет об имуществе, преступно приобретенном другими лицами, в ст. 174.1 – самим виновным. Для квалификации решающее значение получает наличие маскирующего действия, направленного на разрыв внешней связи между имуществом и преступным источником его происхождения. Пленум Верховного Суда РФ прямо указывает, что под финансовыми операциями понимаются любые операции с денежными средствами, а оконченный состав допустим уже при одной операции либо сделке, если доказана специальная цель. Та же позиция закрепляет требование приводить в судебном решении доказательства преступного происхождения имущества и доказательства названной цели.

Научные публикации показывают, что именно специальная цель образует наиболее уязвимое звено квалификации. В работах [3; 7; 8] подчеркивается: без установления стремления придать имуществу правомерный вид состав легализации распадается и уступает место квалификации по предикатному деянию либо по иным нормам. Отсюда вытекает практический вывод: расходование преступно полученных средств на личные нужды, простое хранение, физическое перемещение наличности, равно как разовая бытовая трата без маскирующей оболочки, сами по себе еще не образуют легализацию. Для применения ст. 174 или 174.1 требуется операция, из содержания которой усматривается попытка встроить имущество в легальный оборот, создать фиктивное основание владения либо скрыть подлинный источник происхождения [3; 7; 8].

Следующий спорный узел связан с предметом преступления. В научной литературе [5; 7; 9] прослеживается общая линия: предмет легализации не сводится к имуществу, прямо фигурировавшему в предикатном составе. Речь идет и о деньгах, полученных как вознаграждение за преступление, и о средствах, извлеченных в результате преобразования первоначально добытого имущества, и о стоимостных эквивалентах, встроенных в новые хозяйственные цепочки. Позиция Верховного Суда РФ соответствует такому подходу: предметом преступлений по ст. 174 и 174.1 выступают не только денежные средства или имущество, незаконное приобретение которых образует признак конкретного состава, но и материальное вознаграждение за совершенное преступление либо плата за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте; при смешении преступных средств с правомерно приобретенными последующая квалификация проводится в размере суммы преступного компонента.

Отсюда вытекает и более точное понимание границы между легализацией и прикосновенностью к преступлению. В работах [1; 3; 8] подчеркивается, что суду и следствию требуется отделять маскирующую финансово-правовую форму от последствий предикатного деяния. Когда обвинение подменяет доказательство специальной цели ссылкой на сам факт обладания преступным доходом, квалификация теряет опору. Особенно отчетливо проблема проявляется в делах о мошенничестве, где получение денег, их перевод между связанными счетами и дальнейшее использование внешне напоминают легализацию, но по существу нередко продолжают схему хищения. Е.Г. Быкова [1] показывает, что при таком предикатном основании требуется особо тщательная проверка того, появилось ли новое действие по сокрытию происхождения средств или обвинение лишь повторно описывает способ доведения хищения до результата.

Заметное место в современных исследованиях заняла цифровая среда. Я.Ю. Васильева [2], Т.Г. Жукова [4] и О.В. Харченко [10] связывают рост квалификационных трудностей с использованием криптовалюты, многоступенчатых цифровых переводов, анонимизирующих сервисов и иных технологических форм сокрытия происхождения активов. С уголовно-правовой точки зрения существенен не технический формат актива как таковой, а его участие в схеме маскировки преступного источника. Разъяснения Верховного Суда РФ подтверждают допустимость такого подхода: предметом преступлений по ст. 174 и 174.1 признаются и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, приобретенных в результате преступления. Следовательно, цифровая валюта не выводит деяние за пределы существующей уголовно-правовой модели, но усложняет установление цепочки превращений, идентификацию бенефициара и доказательство умысла на сокрытие происхождения имущества. Параллельно профилактический контур, закрепленный в законе № 115-ФЗ, усиливает мониторинг подозрительных операций, что создает дополнительный информационный массив для уголовно-правовой оценки.

В работах [6; 8; 10] в центр анализа поставлено доказывание. В.С. Киргизова [6] акцентирует связь квалификационной ошибки с недостаточностью доказательств специальной цели. К.А. Лубенцева, Е.О. Яковлева и П.И. Иванов [8] обращают внимание на расхождение между числом выявляемых преступлений и числом лиц, привлекаемых к ответственности, связывая такую картину с высокой сложностью доказательственного процесса. О.В. Харченко [10] показывает, что в цифровой среде затруднения усиливаются за счет трансграничности расчетов и технологической фрагментации следов. Из указанного массива вытекает общий вывод: доказательство по делам о легализации строится на совокупности обстоятельств – происхождении имущества, характере операции, фиктивности документов, экономической бессодержательности сделки, согласованности поведения участников, последовательности переводов и связи операции с задачей сокрытия источника дохода.

При исследовании объективной стороны особое значение получает вопрос о том, какие действия образуют самостоятельное деяние, а какие лишь продолжают предикатное преступление. А.И. Малыгин [9] показывает, что при организованной преступной деятельности легализация обычно выстраивается как отдельный блок действий с собственной экономико-правовой оболочкой. По данной причине признаки фиктивного договора, использования подконтрольных лиц, многоступенчатого перечисления, дробления суммы, смены формы актива или вывода

средств в легальный бизнес приобретают самостоятельное значение при квалификации [4; 9; 10]. Там, где подобная конструкция отсутствует, отнесение содеянного к ст. 174 либо 174.1 рискует превратиться в расширительное толкование.

Исследование предмета преступления позволяет уточнить еще одну линию спора. А.В. Иванов [5] и С.М. Кочои [7] критически оценивают неопределенность правового объема понятий «денежные средства», «иное имущество» и производные экономические формы, возникающие после преобразования первичного преступного актива. Данная неопределенность повышает риск неодинаковой судебной оценки сходных ситуаций. При соединении названной проблемы с цифровыми активами вопрос приобретает особую остроту: следствию требуется доказывать не абстрактную принадлежность виртуального инструмента к имуществу, а его фактическое место в схеме сокрытия преступного происхождения средств [2; 4; 10].

Сопоставление публикаций [1; 3; 6; 8] позволяет выделить типичные ошибки квалификации. Первая – подмена легализации распоряжением преступным имуществом без маскирующей направленности. Вторая – неполное разграничение ст. 174 и 174.1 по субъектному признаку. Третья – выведение специальной цели из самого факта перевода денег без анализа экономического содержания операции. Четвертая – игнорирование преобразованных форм имущества, когда преступный доход проходит через несколько стадий смены правовой оболочки. Пятая – недостаточная связь между предикатным деянием и последующей операцией, из-за чего в приговоре не раскрывается, каким именно образом совершенное действие придавало имуществу внешнюю правомерность.

Наконец, научный массив 2024–2025 гг. [7; 8; 10] фиксирует тенденцию к обсуждению законодательной корректировки. В литературе ставится вопрос о более четком описании признаков легализующего действия, о предельном снижении риска двойного учета элементов предикатного преступления, о включении в анализ трансграничных цифровых операций и о доработке доказательственных ориентиров для оценки малых сумм и фрагментированных переводов. Для правоприменения решающее значение здесь получает уточнение того, какие действия свидетельствуют о сокрытии происхождения имущества, а какие остаются в пределах последствий основного преступления.

**Обсуждение**

Проведенный анализ позволяет увидеть внутреннее напряжение между широкой нормативной формулой легализации и требованием точной уголовно-правовой оценки. С одной стороны, действующая модель сознательно охватывает большой круг операций, поскольку преступный доход способен проходить через разные формы преобразования, а узкая конструкция неизбежно оставляла бы значительную часть маскирующих схем вне уголовно-правового регулирования. С другой стороны, чрезмерно свободное толкование порождает риск подмены легализации любым последующим обращением с преступным имуществом.

Именно по данной линии расходятся научные подходы. Одна группа авторов делает упор на расширительное понимание предмета преступления и способов сокрытия его происхождения, поскольку современная преступная практика опирается на юридически и технологически сложные конструкции. Другая группа концентрируется на гарантийной стороне вопроса и настойчиво проводит мысль о том, что без внятного доказывания специальной цели квалификация по ст. 174 либо 174.1 превращается в механическое «дублирование» предикатного состава. На уровне правоприменения обе линии нуждаются в согласовании: широкое понимание предмета и формы операции допустимо, но лишь при строгом установлении маскирующей направленности действия.

Отдельного внимания заслуживает разница между формальным и содержательным подходом к сделке. Формальный подход опирается на внешнюю юридическую оболочку: договор, перевод, регистрационное действие, смену актива. Содержательный подход проверяет хозяйственный смысл операции, поведение контрагентов, экономическую оправданность платежа, последовательность шагов и связь операции с задачей сокрытия преступного источника. Второй путь представляется более убедительным, поскольку именно он удерживает квалификацию в пределах уголовного закона и не допускает автоматического переноса признаков легализации на любую финансовую активность виновного лица.

Литература, посвященная цифровой среде, выводит дискуссию на новый уровень. Криптовалюта, токенизированные объекты и иные электронные формы актива не разрушают классическую конструкцию легализации, но заметно меняют доказательственную картину. При цифровых операциях слабым местом становится не столько описание предмета преступления, сколько реконструкция цепочки владения и доказательство того, что последовательность конвертаций служила задаче сокрытия происхождения имущества. По данной причине вопрос о квалификации все чаще смещается в плоскость доказывания.

Ограничения существующих подходов заметны в нескольких пунктах. Во-первых, научные публикации нередко сосредоточены либо на предмете преступления, либо на цифровых способах легализации, либо на доказательственном материале, тогда как единая модель квалификации разрабатывается редко. Во-вторых, далеко не все работы одинаково отчетливо разграничивают последствия предикатного деяния и самостоятельное маскирующее действие. В-третьих, пока недостаточно разработаны критерии оценки дробных, многозвенных и трансграничных операций, где отдельный шаг внешне нейтрален, но в общей последовательности образует схему сокрытия.

Исследовательская лакуна просматривается и в вопросе соотношения уголовно-правовых и профилактических механизмов. Законодательство о противодействии легализации формирует массив сведений о подозрительных операциях, но переход от финансового мониторинга к уголовно-правовому выводу о наличии специальной цели остается методически сложным. На наш взгляд, дальнейшая разработка темы требует уточнения критериев содержательной оценки операций, прежде всего для цифровых форм обращения имущества и для ситуаций, где обвинение строится на серии внешне допустимых действий.

**Заключение**

Исследование позволило уточнить содержание спорных признаков ст. 174 и 174.1 УК РФ. Разграничение двух составов проходит по субъектному основанию, тогда как общими для них остаются финансовая операция либо сделка, преступное происхождение имущества и специальная цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению. Предмет легализации охватывает не только первоначально добытое имущество, но и его преобразованные формы, если сохраняется связь с преступным источником.

По второй задаче установлено, что основные ошибки квалификации связаны с подменой легализации последующим обращением с преступным имуществом, с неполным разграничением ст. 174 и 174.1 УК РФ, с формальным выводом о специальной цели без анализа экономического содержания операции и с недостаточным раскрытием

связи между предикатным деянием и маскирующим действием.

По третьей задаче выявлено, что цифровые формы обращения активов не требуют отказа от действующей уголовно-правовой конструкции, но резко повышают сложность доказывания. При операциях с криптовалютой и иными цифровыми инструментами центр квалификационной работы смещается к установлению цепочки преобразований имущества, бенефициарного контроля и направленности действий на сокрытие преступного происхождения дохода.

**Литература**


1. Быкова Е. Г. Некоторые проблемы квалификации легализации доходов, полученных в результате совершения мошенничества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 92–98.
2. Васильева Я. Ю. Криптовалюта как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 118–121.
3. Векленко В. В., Акиев А. Р. Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174, 174.1 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (96). С. 98–105.
4. Жукова Т. Г., Долгополов К. А. К вопросу о современных способах легализации имущества, добытого преступным путём // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11, № 3. С. 551–556. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.3.17.
5. Иванов А. В. Предмет преступления, предусмотренный статьями 174 и 174.1 УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 4А. С. 295–305. DOI: 10.34670/AR.2022.58.79.026.
6. Киргизова В. С. Проблема доказывания легализации (отмывания) денежных средств в Российской Федерации // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. Т. 1, № 6 (128). С. 48–51. DOI: 10.32743/UniLaw.2025.128.6.20191.
7. Кочои С. М. Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 6 (175). С. 119–129. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.119-129.
8. Лубенцева К. А., Яковлева Е. О., Иванов П. И. К вопросу о квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 1. С. 132–138.
9. Малыгин А. И. Объективные признаки легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате организованной преступной деятельности // Право и управление. 2025. № 1. С. 297–301.
10. Харченко О. В. О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, в условиях цифровизации // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 325–327. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_325.


**Problems of qualifying money laundering under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation**


**Katnikov I.I.**

Synergy University of Moscow



This article examines the classification of money laundering under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of this topic stems from persistent difficulties in law enforcement in distinguishing between the legalization and disposal of criminally obtained property, in establishing the specific purpose of giving it a legitimate appearance, in determining the subject of the crime, and in assessing transactions with digital assets. The purpose of this study is to develop a systematic approach to interpreting the elements of the offenses enshrined in these provisions. The scientific novelty of this work lies in its integration of criminal law, law enforcement, and digital analysis into a single classification framework. The study utilizes formal legal, comparative legal, logical-analytical, and generalization techniques. The source base consists of modern Russian-language publications on the subject of money laundering, special purpose, proof, digital forms of concealing the criminal origin of property, and the distinction between related offenses. The analytical section explores the controversial elements of the objective and subjective aspects, demonstrates typical classification errors, and proposes guidelines for distinguishing between Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The practical utility of the results lies in their application in investigative, prosecutorial, and judicial work.



Keywords: money laundering, money laundering, crime classification, Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, subject of the crime, special purpose, digital assets, proof, related offenses.


**References**


1. Bykova E. G. Some Problems of Qualification of Legalization of Income Obtained as a Result of Fraud // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (43). Pp. 92–98.
2. Vasilyeva Ya. Yu. Cryptocurrency as the Subject of Crimes Provided for by Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2022. No. 9. Pp. 118–121.
3. Veklenko V. V., Akiev A. R. Problems of Qualification of Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired by Criminal Means (Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (96). Pp. 98–105.
4. Zhukova T. G., Dolgopolov K. A. On the Issue of Modern Methods of Legalizing Property Obtained by Criminal Means // Humanitarian and Legal Studies. 2024. Vol. 11, No. 3. pp. 551–556. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.3.17.
5. Ivanov A. V. The Subject of the Crime Provided for in Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Issues of Russian and International Law. 2022. Vol. 12, No. 4A. pp. 295–305. DOI: 10.34670/AR.2022.58.79.026.
6. Kirgizova V. S. The Problem of Proving the Legalization (Laundering) of Funds in the Russian Federation // Universum: Economics and Jurisprudence. 2025. Vol. 1, No. 6 (128). Pp. 48–51. DOI: 10.32743/UniLaw.2025.128.6.20191.
7. Kochoi S. M. Criminal Law Norm on the Legalization of Property Acquired by a Person as a Result of Committing a Crime (Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): A Tool for Fighting Crime or a “Cudgel” in the Hands of a Law Enforcement Officer? // Actual Problems of Russian Law. 2025. Vol. 20, No. 6 (175). Pp. 119–129. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.119-129.
8. Lubentseva K. A., Yakovleva E. O., Ivanov P. I. On the Issue of Qualification of Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired by Criminal Means // Police and Investigative Activity. 2025. No. 1. pp. 132–138.
9. Malygin A. I. Objective Features of Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired as a Result of Organized Criminal Activity // Law and Management. 2025. No. 1. pp. 297–301.
10. Kharchenko O. V. On Combating the Legalization of Criminally Obtained Incomes in the Context of Digitalization // Agrarian and Land Law. 2024. No. 5 (233). pp. 325–327. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_325.